MLCM 92/11241

FT MEADE
GenColl

ОДНЫЯ СКАЗКИ и ПѢСНИ

ОБЪ

ІОАННѢ ГРОЗНОМЪ

ІОСИФЪ СЕНИГОВЪ.

Изданіе редакціи журнала «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ».

Цѣна **30** коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная ул., № 12
1893

Senigov, I.

НАРОДНЫЯ СКАЗКИ и ПѢСНИ

ОБЪ

ІОАННѢ ГРОЗНОМЪ

Изданіе редакціи журнала «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ».

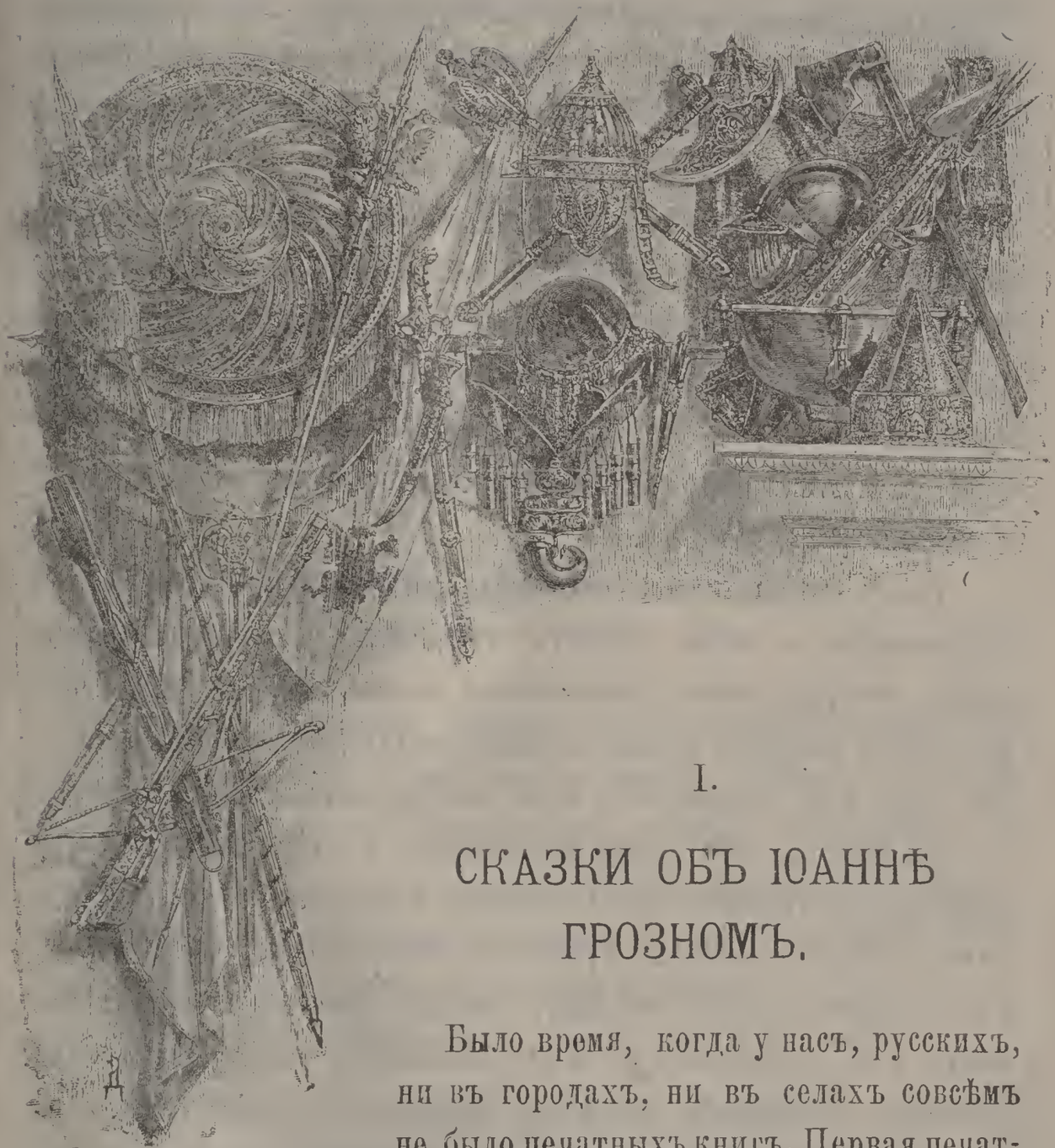
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная ул. № 12
1893

MLCM 92/11241

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Декабря 1892 г.

92-193639
Q502

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ.



I.

СКАЗКИ ОБЪ ІОАННѢ ГРОЗНОМЪ.

Было время, когда у насъ, русскихъ, ни въ городахъ, ни въ селахъ совсѣмъ не было печатныхъ книгъ. Первая печатная книга (Дѣянія Апостольскія) появилась въ Россіи въ царствованіе перваго русскаго царя Ивана Васильевича Грознаго, за триста слишкомъ лѣтъ до нашего времени. Когда не было еще печатныхъ книгъ, наши предки пользовались, правда, писанными книгами, которыя появляются на Руси около тысячи лѣтъ тому назадъ; но такихъ книгъ было очень мало, и ихъ можно было найти только въ болѣе значительныхъ русскихъ

Третьимъ отличіемъ былинъ и историческихъ пѣсенъ отъ исторіи является та ихъ особенность, что между тѣмъ, какъ въ исторіи разсказывается о всѣхъ замѣчательныхъ государяхъ и отдѣльныхъ личностяхъ и о всѣхъ важныхъ событіяхъ, въ былинахъ и историческихъ пѣсняхъ упоминаются лишь тѣ князья и государи, тѣ народные герои и ихъ подвиги, которые произвели на весь народъ особенно сильное впечатлѣніе.

Любимымъ богатыремъ русскаго народа является не князь-богатырь Святославъ, который завоевалъ многія земли у сосѣднихъ народовъ, а крестьянскій сынъ Илья Муромецъ. Этотъ богатырь отличался, судя по описанію былинъ, своимъ безкорыстіемъ, безсребренностью, отсутствіемъ властолюбія и воинскаго задора, мягкосердечіемъ и великодушіемъ. Народъ видѣлилъ своего любимаго героя именно тѣми качествами души, какими долженъ былъ, по народному пониманію, обладать древнерусскій князь и бояринъ, любимецъ народа. Но такъ какъ подобныхъ князей и бояръ было мало, то и народная память сохранила воспоминаніе лишь о немногихъ князьяхъ и боярахъ.

Единственнымъ древнерусскимъ княземъ, который упоминается часто въ былинахъ, является Владиміръ Св. Изъ исторіи мы узнаемъ, что этотъ князь не походилъ на другихъ древнерусскихъ князей, которые жили раньше его. Эти князья—Олегъ, Игорь и Святославъ—заботились больше всего о завоеваніи земель сосѣднихъ народовъ. Не таковъ былъ Владиміръ Св., который заботился не о войнахъ, а о принятіи христіанства, объ установленіи постоянныхъ мирныхъ отношеній къ грекамъ, столь важныхъ для развитія древнерусской торговли и промышленности, а также для распространенія образованности на Руси; кромѣ того, одною изъ главныхъ заботъ этого князя была защита южныхъ границъ русской земли, устройство укрѣ-

пленныхъ городовъ по сосѣдству съ поселеніями азіатскихъ кочевниковъ.

Русскій народъ постоянно отличался болѣе мирнымъ характеромъ, чѣмъ его западные сосѣди, нѣмцы и поляки,—поэтому жители древнерусскихъ городовъ, особенно селъ и деревень, не особенно цѣнили высокіе подвиги воинственныхъ князей и бояръ. Вотъ почему нашъ народъ забылъ многихъ воинственныхъ князей и бояръ, жившихъ въ древнія времена и отличившихся военными подвигами, а запомнилъ хорошо одного древнерусскаго князя, болѣе миролюбиваго, именно Владиміра Св. Изъ древнерусскихъ же бояръ въ народныхъ пѣсняхъ чаще другихъ упоминается Никита Романовичъ, шуринъ Ивана Васильевича Грознаго, за то, что, когда, по словамъ одной пѣсни, царь сулитъ ему „города съ пригородками“, то онъ, по примѣру любимаго народнаго богатыря Ильи Муромца, не хочетъ ничего для себя, а проситъ совершенно особаго права для своей вотчины: „Кто въ Микитину отчину ушелъ, того и Богъ, а не было бы ни иску, ни отыску“.

Что же касается до другихъ древне русскихъ бояръ, то народъ въ своихъ пѣсняхъ и сказкахъ или умалчиваетъ о нихъ, или же относится къ нимъ съ насмѣшкою, выставляя ихъ менѣе разумными, чѣмъ простыхъ крестьянъ.

Приведу нѣсколько народныхъ сказокъ, которыя покажутъ вамъ, какимъ представлялъ себѣ народъ и отчасти представляетъ до сихъ поръ перваго русскаго царя Ивана Васильевича Грознаго и окружавшихъ его бояръ.

По словамъ одной изъ этихъ сказокъ, Грозный догоняетъ ѣдущаго по дорогѣ горшеню (то есть, продавца горшковъ) вступаетъ съ нимъ въ разговоръ и поражается его находчивыми, бойкими отвѣтами. Между прочимъ, горшеня говоритъ:

„На свѣтѣ есть три худа: первое худо—худой сосѣдъ, второе—худая жена, третье—худой разумъ. Отъ всѣхъ уйдешь, а отъ худого разума не уйдешь,—все съ тобою!“

— Ты мозголовъ,—говоритъ ему царь.—Слушай! ты для меня, а я для тебя. Прилетятъ гуси съ Руси, перышки ощиплешь и по правильному покинешь!

— Годится, такъ покину, какъ придетъ! А то и на голо!

Царь заказываетъ ему 10 возовъ глиняной посуды, которую онъ долженъ представить къ извѣстному сроку. А самъ государь пріѣхалъ въ городъ и приказалъ, чтобы на всѣхъ угощеніяхъ не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни мѣдной, ни деревянной, а была бы все глиняная.

Горшеня привезъ товаръ въ городъ. Выѣхалъ на торжище бояринъ и проситъ горшеню продать ему всю посуду. Тотъ сначала не соглашается, но потомъ сходится на условіи: отдать за каждыя двѣ посудины одну, полную денегъ. Сыпали, сыпали,—денегъ не стало, а товару еще много. Бояринъ съѣздилъ домой за деньгами, но ихъ опять-таки не хватило.

— Какъ быть, горшенюшка?—спрашиваетъ бояринъ.

— Нечего дѣлать,—отвѣчаетъ горшеня:—я тебя уважу, только свези меня до этого двора: отдамъ и товаръ и деньги. Бояринъ мялся, мялся: жаль денегъ, жаль и себя. Но дѣлать нечего, выпрягли лошадь,—сѣлъ мужикъ, повезъ бояринъ; горшеня затянулъ пѣсню. Царь былъ въ гостяхъ у купца. Весело поетъ горшеня, противъ дома высоко поднялъ. Государь услышалъ, вышелъ поспѣшно на крыльцо и здоровается съ горшеней.

— Да на чемъ ты ѣдешь?

— На худомъ то разумѣ, государь!

— Ну, мозголовъ, горшеня, умѣлъ товаръ продать! Боя-

ринъ, скидывай строевую одежду и сапоги, а ты, горшеня, кафтанъ, и разувай лапти: ты ихъ обувай, бояринъ, а ты, горшеня, надѣвай его строевую одежду. Умѣлъ товаръ продать!.. Немного послужилъ, да много услужилъ; а ты, бояринъ, не умѣлъ владѣть боярствомъ. Ну, горшеня, прилетали гуси съ Руси?

— Прилетали.

— Перышки ощипалъ, а по правильному покинулъ?

— Нѣтъ на голо, великій государь, всего ощипалъ!

По словамъ другой сказки, ѣхалъ однажды царь Иванъ Васильевичъ Грозный на охоту со своей свитою; видитъ мужика пашущаго и спрашиваетъ у него.

— Старъ ли ты, мужичокъ?

— Лѣтъ двухсотъ,—отвѣчалъ онъ.

— Что же ты самъ работаешь? Ты очень старъ, такъ ты бы всталъ.

— Ваше Величество,—отвѣчалъ старикъ:—я всталъ, да и опять упалъ.

— Ну,—говоритъ царь:—ты бы опять всталъ.

— Я опять всталъ, да опять упалъ.

— Ну, ты бы еще всталъ,—говоритъ царь.

Старикъ отвѣчаетъ:

— Я еще всталъ, да уже и самъ то старъ сталъ.

Тогда царь спрашиваетъ мужика:

— Помнишь ли ты, старинушка, давно ли на горахъ снѣга стали?

— Помню, Ваше Величество, помню; кажется, уже годовъ со сто есть.

— Помнишь ли, какъ съ горъ вода потекла?

— Помню, какъ не помнить, Ваше Величество! этому ужъ лѣтъ съ 50.

Царь говоритъ:

— Смотри же, старичокъ, завтра полетитъ здѣсь стадо гусей. Такъ ты выдерни изъ каждаго гуся по перышку и за то не станешь работать.

— Слышу, Ваше Величество! ежели ты приказываешь, такъ я и по два выдерну.

Царь, довольный старикомъ, уѣзжаетъ домой. По пріѣздѣ спрашиваетъ у бояръ, чтобы они растолковали, что онъ говорилъ со старикомъ. Въ противномъ случаѣ онъ лишитъ ихъ чиновъ и боярства. Бояре знали, что царь шутить не любитъ, а загадки отгадать не могли. А онъ далъ имъ сроку на три дня. Вотъ они ѣдутъ къ мужику, находятъ его на полѣ въ то время, когда онъ пашетъ, и спрашиваютъ, что̀ съ нимъ царь говорилъ? Онъ отвѣчаетъ:

— Да вѣдь вы слышали, что я говорилъ царю, что трижды всталъ и трижды палъ, а потому самъ работаю.

— Да что это значитъ, старинушка?

— А что пожалуете, чтобы я изъяснилъ вамъ это?

Они даютъ по сту рублей. Нѣтъ, онъ проситъ по двѣсти,—и они дали ему по двѣсти.

Старикъ говоритъ:

— Царь спрашивалъ меня, отчего я самъ работаю? Я сказалъ, что некому за меня пахать. Царь сказалъ, чтобы я всталъ, то есть, чтобы я женился. Я отвѣчалъ, что я всталъ да и палъ, т. е. женился, и жена умерла бездѣтной; я въ другой разъ женился, и другая жена также умерла; я третій разъ женился, да уже старъ сталъ, такъ дѣтей не могъ прижить. На горахъ снѣга—это на головѣ волосы посѣдѣли лѣтъ

сто уже тому назадъ. Съ горъ вода — это слезы изъ глазъ; уже лѣтъ 50, какъ у меня онѣ потекли, ибо у всякаго старика глаза на старости слезливы.

По словамъ третьей сказки „О Грозномъ и старцѣ“, царь, побывавъ въ Сергіевѣ монастырѣ, обратилъ вниманіе на одного старца, который хорошо пѣлъ и отличался своею сообразительностью. И послалъ къ нему боярина своего вопросить: откуда старецъ? И пришелъ бояринъ, сотворилъ молитву, а старецъ отвѣтилъ: Аминь.

— Царь де Иванъ Васильевичъ велѣлъ тебя спросить: откуды старецъ?

И старецъ отвѣчалъ:

— Азъ де отвсюды старецъ,—и на себя окомъ окинулъ.

И пришелъ бояринъ, говоритъ.

— Государь, я не смѣю говорить тебѣ; старецъ говоритъ: „Азъ де отвсюду чернецъ, и спереди и сзади“.

И въ другой разъ посылаетъ царь того же боярина спросить старца: гдѣ постриженъ? И бояринъ спросилъ съ молитвою, по чину, гдѣ постриженъ; а старецъ поднялъ шапочку и сказалъ: „въ то постриженъ“, и указалъ на голову.

И бояринъ сказалъ царю, и царь замѣтилъ:—Впрямь де онъ съ головы постриженъ.

Отправляясь изъ монастыря, царь приказалъ архимандриту беречь упомянутаго старца и призвалъ его къ столу въ Александрову слободу; а быть ни конемъ, ни пѣшу, ни въ платьѣ и ни нагу. И тотъ старецъ пошелъ съ другими пѣвчими; и когда они были близъ Александровской слободы и двора церковнаго, велѣлъ надѣть на себя всѣмъ старцамъ рыболовныя сѣти и другъ друга пести, перемѣняясь. А царь смотрѣлъ сверху, и дивился царь старцеву разуму, и велѣлъ за столомъ

посадить, и, покоя гораздо, дать всѣмъ имъ вмѣсто ложекъ длинные стебли, такъ что нельзя бы самому себѣ въ ротъ попасть. И начали старцы ѣсть, другъ другу черезъ столъ въ ротъ подавать. И царю сказали, и царь дивился разуму его.

И послѣ многихъ кушаній велѣлъ царь спросить, сыты ли, и они сказали: „Сыты де“! И велѣлъ государь принести къ нимъ пирогъ свой царскій, и они его съѣли. И царь приказалъ (т. е. сказалъ): „Какъ де вы, старцы, лжете, сказавъ: „сыты“, и пирогъ весь съѣли?“

Тогда старецъ говорилъ:

— Какъ де бываетъ хоромина полна людей, а царь идетъ и молвитъ: „всѣмъ тѣсно, а царю пространная дорога“? И такъ де и пирогъ царскій.

И царь его призвалъ къ себѣ и спросилъ:

— Чернецъ, прикажи-ка архимандриту тебя чѣмъ жаловать?

Старецъ отвѣчалъ:

— Государь, немного старцу надобно, только въ трое: тепло, мокро и мягко.

И бояре дивились, что говоритъ чернецъ нелѣпо предъ царемъ; а государь замѣтилъ.

— Впрямь де онъ проситъ тепло—келья, и питья нескуднаго, и мягкаго хлѣба.

И приказалъ Иванъ Васильевичъ Грозный жаловать этого старца больше всѣхъ братій.

Изъ приведенныхъ мною сказокъ видно, что народъ не уважалъ древнерусскихъ бояръ и относился къ нимъ скорѣе враждебно, чѣмъ дружелюбно. Народъ не любилъ этихъ бояръ главнымъ образомъ за то, что они, управляя городами, селами и деревнями, злоупотребляли своею властью, продавали право-

судіе, притѣсняли и угнетали мѣстное населеніе всевозможными поборами и налогами. Кромѣ того, народъ не могъ чувствовать расположенія къ тѣмъ боярамъ, которые измѣняли православію, своему государю и народу, переходя на сторону католической Литвы и Польши. До насъ дошла одна народная сказка, которая утверждаетъ, что первый русскій царь происходилъ не изъ княжескаго рода, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія, а изъ крестьянскаго. По словамъ этой сказки, прежде на Руси царей выбирали такимъ образомъ: умретъ царь—сейчасъ весь народъ на рѣку идетъ и свѣчи въ рукахъ держитъ. Опустятъ эти свѣчи въ воду, потомъ вынутъ; у кого загорится, тотъ и царь. У одного барина былъ крѣпостной человѣкъ Иванъ. Подходитъ время царя выбирать, баринъ и говоритъ ему:

— Когда я царемъ стану, такъ тебѣ вольную дамъ,—куда хочешь, туда и иди.

А Иванъ ему на это:

— Коли я, баринъ, въ цари угожу, такъ тебѣ безпремѣнно голову срублю.

Пошли черезъ рѣку, опустили свѣчи;—у Ивана свѣча и загорись. Сталъ Иванъ царемъ, вспомнилъ свое обѣщаніе: барину голову срубилъ. Вотъ съ той то поры за это его *Грознымъ* и прозвали.

По словамъ одного народнаго разсказа „Почему завелась на Руси измѣна“, вздумалось однажды Ивану Васильевичу Грозному отправить пословъ въ иныя государства и требовать отъ королей и князей тѣхъ государствъ ежегодную дань Россіи. Послы объявили всѣмъ инодержавнымъ королямъ и князьямъ, коимъ было приказано, о царскомъ повелѣніи. Короли и князья всѣ собрались въ одно мѣсто и совѣтовались между собою,

слѣдуетъ ли дань давать царю русскому. Наконецъ и придумали загадать царю Ивану Васильевичу Грозному три загадки, съ тѣмъ, что если онъ, царь Иванъ, ихъ отгадаетъ, то короли и князья тутъ же дадутъ ему двѣнадцать бочекъ золота и будутъ платить ежегодную дань; а если не отгадаетъ, то не только не будутъ платить ему дани, но и совсѣмъ откажутъ отъ царства. Всѣ короли и князья на это согласились и отправили къ царю Ивану Васильевичу отъ себя пословъ съ грамотою, въ которой написали: „Ваше царское Величество! По требованію твоему дань давать Россіи мы согласны, и сверхъ того дадимъ тебѣ двѣнадцать бочекъ золота, но съ тѣмъ только условіемъ, если отгадаешь нашихъ три загадки: *1) что удалѣе всего на свѣтѣ? 2) что милѣе всего на свѣтѣ? и 3) что слаще всего на свѣтѣ?* Если же этихъ загадокъ не отгадаешь, то не только дани не получишь, но и отъ царства будешь отказанъ; для отгадыванія долженъ пріѣхать самъ къ назначенному мѣсту на востокѣ, къ бѣлому камню и къ такому-то времени, гдѣ короли и князья будутъ всѣ тутъ собравшись“. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, получивши эту грамоту отъ королей и князей и прочитавши ее, призадумался; затѣмъ, собравъ къ себѣ всѣхъ своихъ бояръ и князей и умныхъ людей, объявилъ имъ эту грамоту отъ инодержавныхъ королей и князей и совѣтовался съ ними, какъ отвѣтъ держать, какъ загадки отгадать. Кто чего не говорилъ,—но царю мало нравились боярскіе и княжескіе отвѣты. Наконецъ, общимъ совѣтомъ придумали отвѣтъ держать инодержавнымъ королямъ и князьямъ такой: „Удалѣе вѣтра ничего нѣтъ на свѣтѣ; для царя никого неможетъ быть милѣе его сына; едва ли что найдешь на свѣтѣ слаще меда“. Приходитъ срочное время, царь отправляется

на востокъ къ бѣлому камню, со всею царскою свитою, для отгадыванія загадокъ и для полученія дани ежегодной. Ѣхалъ царь Іоаннъ Васильевичъ долго ли, скоро ли, близко ли, далеко ли, только видитъ царь, на одномъ пустомъ мѣстѣ мужичокъ строитъ церковь; и церковь уже вся построена, только обиваетъ главу щепой,—въ тѣ времена вездѣ вообще на церквахъ и на часовняхъ главы обивались щепою,—и за каждою щепкою и гвоздемъ съ самаго верху мужичокъ опускался на землю и поднималъ вверхъ по одной щепкѣ и гвоздю. Царь подъѣзжаетъ къ строенію и говоритъ плотнику: „Богъ въ помощь, старичокъ!“

— Прошу пожаловать, добрый человѣкъ, — отвѣчаетъ старичокъ.

— Что, братъ, церковь строишь?

— Точно такъ, ваша милость,— отвѣчаетъ мужичокъ, а царемъ его, Ивана Васильевича Грознаго, не называетъ, какъ будто и не знаетъ. Царь говоритъ:

— Что же ты, старичокъ, какъ я вижу, за каждой дощечкой и гвоздемъ опускаешься внизъ, и по одной дощечкѣ и гвоздю поднимаешь вверхъ? ты бы взялъ до десяти дощечекъ и гвоздей, и разомъ бы поднялъ ихъ: для тебя бы это было полезнѣе.

— Всякое дѣло знаетъ мастеръ,—отвѣчаетъ старичокъ:— а я же тебя спрошу, царь ты русскій Иванъ Васильевичъ Грозный, куда ты ѣдешь и зачѣмъ? Вѣдь ты ѣдешь на востокъ къ бѣлому камню растолковать загадки, данныя тебѣ? Тамъ уже тебя короли и князья инодержавные ожидаютъ! Но загадокъ тѣхъ тебѣ не растолковать, да и царства ты лишишься.

Царь Иванъ Васильевичъ сильно призадумался и спрашиваетъ старичка:

— Какъ же тому быть, не можетъ ли ты мнѣ чѣмъ помочь?

Старичокъ отвѣчаетъ:

— Изволь. Иванъ Васильевичъ, царь русскій, я тебѣ помогу, только съ условіемъ: тебѣ обѣщано, какъ отгадаешь, двѣнадцать бочекъ золота и ежегодная дань; только изъ двѣнадцати бочекъ если отдашь мнѣ одну, то изволь, я растолкую тебѣ загадки, и будешь впередъ царствовать; а нѣтъ, то царство твое кончится.

Изволь, старичокъ,—говоритъ царь:—любую бери изъ двѣнадцати бочекъ, но только разскажи мнѣ загадки.

А вотъ что,—старичокъ начинаетъ:—тебѣ заданы загадки: первая—*что удалье всего на свѣтѣ?* такъ ли?—спрашиваетъ царя.

— Точно такъ,—отвѣчаетъ царь.

— Ты отвѣчай имъ,—*удалье собственныхъ своихъ глазъ* ничего нѣтъ: куда ни взгляну, въ одно мгновеніе все вижу. Вторая загадка—*что милѣе всего на свѣтѣ?* Что у насъ милѣе *краснаго солнца* на свѣтѣ? оно засвѣтитъ, и всякая тварь веселится. Третья—*что слаще всего на свѣтѣ?* Слаще *воды* есть ли что на свѣтѣ? безъ нея совершенно никому и жить нельзя. Поѣзжай, скажи имъ сіе, все получишь.

Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный поблагодарилъ старичка и отправился на востокъ къ бѣлому камню. Пріѣзжаетъ къ назначенному мѣсту,—тамъ уже его ожидаютъ всѣ инодержавные короли и князья; устроили царю подобающую встрѣчу, а потомъ стали просить его растолковать заданныя ими загадки. Царь Іоаннъ Васильевичъ начинаетъ такъ:

— Первая ваша загадка—*что удалье всего на свѣтѣ?*

Удалѣе собственныхъ своихъ глазъ есть ли что на свѣтѣ? куда ни взгляну,—все вижу.

— Истинная правда,—отвѣчаютъ короли и князья.

— Вторая загадка—*что милѣе всего на свѣтѣ?* Можетъ ли что быть милѣе на свѣтѣ краснаго солнца? оно засвѣтитъ,—то вся тварь веселится.

— Это правда,—говорятъ короли и князья.

Третья загадка—*что слаще всего на свѣтѣ?* Можетъ ли быть что слаще воды на свѣтѣ? Возьмите себѣ въ примѣръ, когда кто нибудь изъ васъ мучается жаждою, а воды бы, вамъ сказали, нѣтъ, а потомъ узнали бы, что у такого то есть вода въ запасѣ, а вамъ бы нестерпимо пить хотѣлось, то, кажется, въ то время за одинъ глотокъ воды вы готовы были бы отдать, Богъ вѣсть, что, только бы дали вамъ попить, и пили бы вы съ какою жадностью!

— Истинная, истинная правда, Иванъ Васильевичъ, царь ты русскій!—вскричали всѣ короли и князья и потомъ вручили ему двѣнадцать бочекъ золота и обязались платить требуемую имъ ежегодную дань.

Итакъ, распростившись съ инодержавными королями и князьями, Иванъ Васильевичъ Грозный отправился обратно на свое царство. Приближаются къ мѣсту, гдѣ старичекъ строитъ церковь. Царь говоритъ своей свитѣ:

— Что, господа, какъ вы думаете: отдать бочку золота старику будетъ очень много? У насъ есть армія и другія войска, нужно ихъ содержать; а у старика что есть, и куда ему золото класть? Лучше же мы сдѣлаемъ такъ: изъ бочки вынемъ двѣ части золота, а одну оставимъ, и вмѣсто двухъ долей вынутыхъ всыпемъ песку, чтобы не такъ было примѣтно, и отдадимъ ему.

Всѣ на это согласились. Какъ сказали, золото вынули, а песку насыпали; а сверху песку одну долю золота положили и поѣхали впередъ. Пріѣзжаютъ къ тому мѣсту, гдѣ старичокъ строитъ церковь; царь подъѣхалъ къ старику и говоритъ:

— Помогай тебѣ, Господи, старичокъ! Покорнѣйше благодарю тебя за наставленіе: я все получилъ обѣщанное; теперь же поди и ты, старичокъ, получай и отъ меня обѣщанную тебѣ бочку золота.

Старичокъ говоритъ:

Ну, царь русскій, Иванъ ты Васильевичъ и Грозный! Самъ ты ввелъ измѣну въ Русь православную, и никогда ты ее съ этого времени не искоренишь, и ни другой кто либо: причиною всего этого ты самъ, царь. Зачѣмъ тебѣ обманывать меня? Я спасъ тебя и жизнь твою; ты обѣщалъ мнѣ за это бочку золота, а вмѣсто золота платишь пескомъ.

Царь видитъ, что это человѣкъ не простой, и слезно проситъ взять любую бочку, кромѣ той.

Старичокъ отвѣчаетъ:

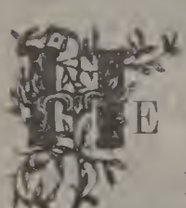
— Въ золотѣ твоемъ я не нуждаюсь, и жить буду безъ твоего золота, а нужна была *правда*; ты самъ измѣнилъ *правдѣ*, и измѣна эта, опять повторяю, на вѣки вѣковъ останется на Руси, и ни ты, и ни другой кто не можетъ искоренить ее: всему этому злу причиною Грозный царь Иванъ Васильевичъ. Прощай, царь, поѣзжай впередъ и царствуй!

И въ одно мгновеніе не стало предъ царемъ ни церкви, ни старичка: все потерялось, и никакого слѣда не осталось, Иванъ Васильевичъ Грозный заключилъ, что это былъ Самъ Богъ; поклонился тому мѣсту до земли и отправился царствовать.

Изъ только что приведенной сказки видно, что народъ, не знающій исторіи, по-своему объясняетъ нѣкоторыя событія изъ своего прошлаго. Такъ измѣна московскихъ бояръ, изъ которыхъ одни бѣжали въ Литву, напримѣръ, князь Курбскій, а другіе хотѣли, но не рѣшились измѣнить своему государю, по народному пониманію, произошла отъ того, что самъ царь подалъ примѣръ измѣны своему народу, больше заботясь о содержаніи своего войска, чѣмъ о благополучіи сельскаго населенія, живущаго среди лѣсовъ.

II.

ПѢСНИ ОБЪ ІОАННѢ ГРОЗНОМЪ.



Немало было въ древней Москвѣ князей и государей, которые съ успѣхомъ вели борьбу съ сосѣдними народами и способствовали расширенію предѣловъ русскаго государства, а также заботились о распространеніи образованности въ Россіи; однако же, первымъ въ ряду московскихъ государей въ народныхъ сказкахъ и пѣсняхъ упоминается Иванъ Васильевичъ Грозный, при чемъ начало города Москвы,—о которой впервые упоминается въ исторіи за 400 лѣтъ до появленія на свѣтъ перваго русскаго царя,—связывается въ историческихъ пѣсняхъ съ началомъ и самого царя Ивана Грознаго, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ пѣсни:

*

Когда зачиналася каменна Москва,
Тогда зачинался и Грозный царь,
Что Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ.

или въ другой пѣснѣ:

Въ старые годы, прежніе,
При зачинѣ каменной Москвы,
Зачинался тутъ и Грозный царь,
Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ.

Почему, спрашивается, царствованіе Ивана Васильевича Грознаго обратило на себя особенное вниманіе народа, и первый русскій царь является для него болѣе достойнымъ вниманія, чѣмъ другіе московскіе государи? Для рѣшенія этого вопроса, припомнимъ главнѣйшія событія царствованія Ивана Грознаго, о которыхъ такъ или иначе упоминается въ историческихъ пѣсняхъ

Іоаннъ IV остался послѣ смерти отца четырехъ лѣтъ, а восьми лѣтъ лишился и своей матери. Оставшись круглымъ сиротою, онъ поступилъ подъ опеку бояръ, которые очень грубо обходились съ нимъ и не обращали никакого вниманія на его воспитаніе. Нашлись даже такіе, которые старались развить въ немъ дурныя стороны его натуры. Вслѣдствіе такого небрежнаго воспитанія Іоаннъ IV до 17-лѣтняго возраста совсѣмъ не занимался дѣлами правленія государствомъ и проводилъ время въ разныхъ недостойныхъ забавахъ.

Государствомъ же управляли бояре, заботившіеся только о своихъ собственныхъ выгодахъ. Они до такой степени притѣсняли народъ различными поборами и насиліями, что наконецъ вызвали почти поголовное возстаніе въ Москвѣ, гдѣ въ то время свирѣпствовали страшные пожары, истребившіе болѣе 1700 человѣкъ.

Пожаръ Москвы, народный мятежъ и смерть Глинскаго, родственника царскаго, погибшаго во время этого мятежа, такъ напугали семнадцатилѣтняго царя, что онъ покинулъ Москву и поселился въ Воробьевскомъ дворцѣ. Сюда къ нему явился новгородскій протопопъ Сильвестръ и началъ обличать его за легкомысленный образъ жизни и нерадѣніе въ дѣлахъ государственныхъ.

Потрясенный до глубины души пламенной рѣчью протопопа, Іоаннъ, обливаясь слезами раскаянія, просилъ Сильвестра помочь ему загладить всѣ тѣ несправедливости и притѣсненія, какія испытывалъ народъ. Не останавливаясь на этомъ, Іоаннъ рѣшилъ покаяться въ своихъ заблужденіяхъ предъ лицомъ всей Россіи и собралъ для этого со всѣхъ городовъ выборныхъ людей отъ различныхъ сословій.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней царь велѣлъ собраться народу на площадь и послѣ молебна обратился съ такою рѣчью: „Рано Богъ лишилъ меня отца и матери, а бояре не заботились обо мнѣ, желая быть самовластными: они моимъ именемъ притѣсняли народъ и богатѣли неправдою, и никто не препятствовалъ имъ въ этомъ. Въ дѣтствѣ я казался глухимъ и нѣмымъ: не внималъ стонамъ бѣдныхъ и не обличалъ грабителей... Умоляю васъ, будьте великодушны ко мнѣ! Минувшаго зла нельзя уже поправить, но клянусь вамъ, впередъ я буду оберегать васъ отъ всякихъ притѣсненій и грабительствъ. Забудьте прошлое, оставьте ненависть и вражду, соединимся всѣ вмѣстѣ любовью христіанскою... Отнынѣ я вашъ судья и защитникъ“ [1]).

Въ тотъ же день царь поручилъ своему приближенному Алексѣю Адашеву, человѣку бѣдному, но честному и благо-

[1]) Карамзинъ. «Исторія Государства Россійскаго».

родному, принимать просьбы и жалобы отъ всѣхъ, кто только будетъ притѣсняемъ и обижаемъ знатными и богатыми людьми; причемъ онъ приказалъ Адашеву быть одинаково справедливымъ какъ къ богатымъ, такъ и къ бѣднымъ: не бояться сильныхъ и знатныхъ, губящихъ бѣдныхъ и немощныхъ, и не обращать вниманія на ложныя слезы бѣднаго, клевещущаго на богатыхъ.

Хотя самое созваніе земскаго собора и обращеніе царя къ народу не упоминается въ историческихъ пѣсняхъ, но тѣмъ не менѣе народъ обратилъ вниманіе и отмѣтилъ въ своихъ пѣсняхъ правосудіе и безпристрастіе перваго царя, какъ это видно изъ пѣсенъ, извѣстныхъ подъ общимъ заглавіемъ, „Правежъ“. Правежомъ называлось въ старину тѣлесное наказаніе преступника на городской площади на глазахъ всего народа. По словамъ одной изъ этихъ пѣсенъ:

Что у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Середи то торгу, братцы, среди площади,
Тутъ бьютъ добраго молодца на правежѣ,
Нагого, босого и разутаго.
Поставили его на бѣлъ-горючъ камень:
Стоитъ молодецъ самъ не трехнется,
Русы его кудри не ворохнутся (т. е. не шевельнутся),
Лишь катятся изъ глазъ горючи слезы.
Случилося тутъ ѣхати
Самому царю православному,
Грозному царю Ивану Васильевичу.
Какъ возговоритъ царь Иванъ сударь Васильевичъ:
— Охъ вы, гой еси, бурмистры-цѣловальнички!
За что вы пытаете добраго молодца,
Нагого, босого и разутаго,
Поставя его на бѣлъ-горючъ камень?
Стоитъ молодецъ—самъ не трехнется,
Русы его кудри не ворохнутся,
Только катятся изъ глазъ горючи слезы

По бѣлому лицу, по румяному?
Тутъ возговорятъ бурмистры-цѣловальнички:
— Охъ ты, гой еси, нашъ батюшка, православный царь,
Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ!
Пытаемъ мы съ него золоту казну,
Золоту казну, платье цвѣтное,
Не много, не мало—сорокъ тысячъ.
Возговоритъ тутъ православный царь:
— Охъ ты, гой еси, добрый молодецъ!
Почему тебѣ золота казна доставалася
И какъ она тебѣ приходила?
Возговоритъ добрый молодецъ:
— Охъ ты, гой еси, нашъ батюшка православный царь,
Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ!
Была у меня дубиночка вязовенькая,
И клалъ я дубиночку на плечико,
Ходилъ я, добрый молодецъ, по чисту полю,
По чисту полю, по темному лѣсу,
Нашелъ я воровъ разбойниковъ.
Тутъ то они дуванъ дуванили (т. е. дѣлали привалъ и дѣлили добычу),
Золотую казну дѣлили мѣрою,
А цвѣтное платье дѣлили ношами:—
Тутъ то я ее отбилъ у нихъ.
Возговоритъ православный царь,
Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ:
— Куда ты дѣвалъ эдаку золоту казну?
Возговоритъ добрый молодецъ:
— Точилъ (т. е. тратилъ) я ее все по домамъ по питейнымъ,
А поилъ я все голь кабацкую,
А въ цвѣтное платье одѣвалъ все нашихъ босыихъ.
Возговоритъ православный царь:
— Охъ вы, гой еси, бурмистры-цѣловальнички!
Заплатите ему за каждый ударъ по пятидесяти рублей,
А за безчестіе заплатите ему пятьсотъ рублей.

По словамъ другой пѣсни того же содержанія:

Что во горенкѣ, подъ окошечкомъ
Что позднымъ поздно, поздно вечера,
Что сидѣла тамъ душа дѣвица:
Что руса коса порастрепана,

Ясныя очеиьки заплаканы...
— Не сиди, душа, поздно вечера,
Ты не жги свѣчи воску ярова,
Не кручинь, дѣвка, родна батюшки,
Не печаль свою родну матушку:
Ты не плачь, не плачь по своемъ горю,
По миломъ другу!
Что и царь молодца пожалуетъ...
Повели молодца въ каменну Москву,
Ко Грозному царю.
Какъ и сталъ царь молодца выспрашивати
И допрашивати:
— Ты скажи, скажи, вдалый молодецъ,
Ты за что убилъ мово подручника,
Молодого мово опричника?
Возговоритъ добрый молодецъ:
— Я скажу тебѣ, православный царь,
Я за что убилъ зла татарченка,
Молодого твово опричника;
Я убилъ его за дурны дѣла,
За худы слова.
Поносилъ онъ нашу святую Русь,
Тебя узывалъ кровопійцею:
Еще поносилъ православный людъ:
Урекалъ онъ насъ быть христьянами
И холопами,
Татаръ величалъ людьми вольными,
Никому какъ быть неподручными.
А славенъ то былъ онъ тобою, царь,
Твоей милостью!
Возговоритъ православный царь,
Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ:
— Исполать тебѣ, вдалый молодецъ,
На добромъ словѣ, на честномъ дѣлѣ!

Изъ только что приведенной пѣсни видно, что Иванъ Васильевичъ Грозный былъ одинаково справедливъ ко всѣмъ подданнымъ: прощаетъ добраго молодца, который убилъ одного изъ приближенныхъ къ царю опричниковъ, потому что убѣдился въ правотѣ этого добраго молодца.

Кромѣ правосудія, справедливости и безпристрастія, первый русскій царь могъ снискать расположеніе народа своею постоянною заботою о доставленіи народу самаго нужнаго и необходимаго.

Жители древнерусскихъ селъ и деревень по временамъ ощущали недостатокъ въ годной для обработки землѣ и не могли вслѣдствіе такого недостатка исправно уплачивать подати и исполнять различныя повинности. Въ такія тяжелыя для народа времена у него рождалось естественное желаніе переселиться въ другія мѣстности, болѣе годныя для земледѣлія. Удовлетворять такое желаніе въ древніе времена было удобнѣе, чѣмъ въ наши дни, такъ какъ свободной для поселенія земли тогда было больше, чѣмъ теперь. Поэтому то прежде во многихъ мѣстностяхъ происходила расчистка и распашка лѣсовъ. Въ черныхъ дикихъ лѣсахъ ставились нерѣдко дворы и починки, разроставшіеся въ деревни, села, погосты и слободы. Среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ чистился и выжигался лѣсъ и заводилось хлѣбопашество.

Переселенія русскаго народа въ мѣстности, прилегающія къ рѣкѣ Волгѣ, начались много вѣковъ тому назадъ. Первыми поселенцами сѣвернаго Поволжья были жители древняго Новгорода. Сюда также приходили переселенцы изъ южной Россіи, спасаясь въ поволжскихъ лѣсахъ отъ частыхъ опустошеній различныхъ кочевыхъ народовъ, приходившихъ изъ Азіи.

Древнерусскіе князья помогали народу въ дѣлѣ заселенія лишь сѣверовосточной Россіи, особенно береговъ самой большой русской рѣки Волги; они рубили (т. е. строили) города или же укрѣпляли уже существующія поселенія, ставили слободы на своихъ земляхъ, и такія же слободы ставили и окружавшія ихъ бояре-дружинники.

Нашествіе татаръ, болѣе чѣмъ за 650 лѣтъ до нашего времени и утвержденіе ихъ власти въ Поволжьѣ и надъ Русью надолго остановили переселенія русскаго народа на востокъ по Волгѣ.

Взятіемъ Казани и завоеваніемъ Сибирскаго царства устранялось препятствіе для дальнѣйшихъ переселеній русскаго народа на востокъ; вслѣдствіе чего, вскорѣ послѣ завоеванія Казанскаго царства, колонизація (т. е. заселеніе) Поволжья значительно усиливается:

Относительно взятія Казани изъ исторіи мы узнаемъ, что первыя двѣ попытки взять этотъ городъ были неудачны. Тогда Иванъ Грозный самъ рѣшился итти въ походъ. Когда онъ узналъ, что крымскіе татары осаждаютъ Тулу, то пошелъ на ея избавленіе; но крымцы бѣжали. Тогда царь направился къ Казани. Осада этого города продолжалась около двухъ мѣсяцевъ. Приведенъ былъ нѣмецъ *размыслъ* (такъ назывался прежде инженеръ, т. е. человѣкъ, свѣдущій въ наукѣ осады, защиты и укрѣпленія крѣпостей). Когда часть городской стѣны была взорвана на воздухъ, и вслѣдствіе этого образовалась въ стѣнѣ *брешь* (т. е. проломъ), русскіе вошли въ городъ. Но татары сражались мужественно, говоря: „Умремъ за юртъ свой!“ Русскій царь ободрялъ своихъ воиновъ. Наконецъ, татары были побѣждены и побѣжали изъ послѣдняго своего пріюта, двора царскаго; а самъ царь казанскій Едигеръ былъ взятъ въ плѣнъ.

Когда совсѣмъ очистили улицы Казани отъ тѣлъ, Иванъ Грозный выбралъ посреди города мѣсто и назначилъ его подъ храмъ Благовѣщенія. Въѣхавъ съ торжествомъ въ Москву, царь крестилъ, между прочимъ, казанскаго царя Едигера, названнаго Симеономъ. Первому архіепископу казанскому Гурію былъ данъ такой наказъ: пріучать къ себѣ татаръ всѣми

мѣрами; крестить не насильно, но волею, новокрещенныхъ часто угощать; не выдавать виновныхъ, если они прибѣгнутъ къ его защитѣ и захотятъ креститься; ходатайствовать и за некрещенныхъ передъ воеводами и передъ самимъ государемъ. Вскорѣ послѣ взятія Казани вся Волга стала рѣкою Московскаго государства.

Въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ взятіе Казани описывается слѣдующимъ образомъ:

Середи было Казанскаго царства,
Что стояли бѣлокаменны палаты.
А изъ спальни бѣлокаменной палаты
Ото сна тутъ царица пробуждалася,
Пробуждалася царица Елена,
Симеону царю она сонъ разсказала:
— А и ты встань, Симеонъ царь, пробудися!
Что ночесь мнѣ, царицѣ, мало спалося,
Въ сновидѣньицѣ много видѣлося:
Какъ отъ сильнаго Московскаго царства
Кабы сизой орлище встрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше вѣдь царство наплывала.
А изъ сильнаго Московскаго царства
Подымался Великій князь Московскій;
А Иванъ, сударь, Васильевичъ, Прозритель,
Со тѣми ли пѣхотными полками.
Что со старыми славными казаками,
Подходили подъ Казанское царство,
За пятнадцать верстъ становились,
Становились они подкопью подъ Булатъ рѣку;
Подходили подъ другую подъ рѣку—подъ Казанку,
Съ чернымъ порохомъ бочки закатали,
А и подъ гору ихъ становили,
Подводили подъ Казанское царство.
Подъ рѣчку Казанку подкопы подкопали,
Много бочекъ закатали съ чернымъ порохомъ,
Засвѣтили на нихъ свѣчки воскояровыя;
Молодые пушкари изъ подкопу выходили.
Свѣчки догорѣли,—бочки не разорвало.
А злые татаришки по стѣночкѣ похаживаютъ.

Нашего царя бѣлаго Ивана Васильевича подразниваютъ...
На то Грозный царь осердился:
Приказалъ нашъ государь пушкарей своихъ казнить,
Пушкарей своихъ казнить, саблей головы рубить.
Всѣ наши пушкарчики задумались, стоятъ,
Задумались—стоятъ, ничего не говорятъ,
Одинъ же пушкаричекъ осмѣлился,
Къ царю близко подходилъ, ему рѣчи говорилъ:
— Грозный царь, Иванъ Васильевичъ!
Не приказывай казнить, прикажи мнѣ говорить:
На ходу то наши свѣчки скоро горятъ,
Во глухомъ же мѣстѣ онѣ тихо горятъ.
Не успѣлъ слова вымолвить,
Свѣчки догорѣли, бочки разорвало.
Какъ стѣны бросать стало за Сулой за рѣку.
Всѣ татары тутъ, братцы, устрашилися,
Они Бѣлому царю покорилися.
Теперь нашъ государь привозрадовался,
Приказалъ нашъ государь пушкарей своихъ дарить,
Всѣмъ пушкарямъ по пятидесятъ рублей,
Одному пушкарчику пятьсотъ ему рублей;
Зато ему пятьсотъ: къ царю близко подходилъ,
Къ царю близко подходилъ, ему рѣчи говорилъ.
Когда же всѣ татары устрашилися
И Бѣлому царю то покорилися,
Тогда бѣжалъ Великій князь Московскій
На тое ли высокую гору,
Гдѣ стояли царскія палаты.
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она съ радостью Московскаго князя встрѣчала,
А того ли Ивана сударь Васильевича Прозрителя.
И за то онъ царицу пожаловалъ
И привелъ въ крещеную вѣру;
Въ монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встрѣтилъ Великаго князя,
Онъ и вынялъ ясны очи косицами,
Онъ и взялъ съ него царскую корону,
И снялъ царскую порфиру,
Онъ царскій костыль въ руки принялъ.

Что же касается до другого знаменательнаго событія царствованія Ивана Васильевича Грознаго—завоеванія Сибири Ермакомъ, то изъ исторіи мы узнаемъ слѣдующее:

По случаю нападенія восточныхъ инородцевъ монгольскаго и финскаго племени на Пермскій край, царь приказалъ жившимъ въ томъ краю промышленникамъ Строгоновымъ набирать и вооружать „охочихъ“ казаковъ и посылать ихъ на инородцевъ. Эти Строгоновы были главными *колонизаторами* въ Пермскомъ краѣ. (Колонизаторами называются тѣ люди, которые устраиваютъ первыя поселенія въ той землѣ, въ которой живутъ народы другого племени, напримѣръ, монгольскаго, финскаго, германскаго и т. д.)

Нападенія инородцевъ, жившихъ въ Сибири, побудили Строгоновыхъ испросить у царя грамоту, которая предоставляла бы имъ право посылать своихъ казаковъ въ Сибирь для защиты *данниковъ*, (т. е. плативщихъ дань) государевыхъ зауральскихъ остяковъ. Кромѣ того, Строгоновы получили право строить на Тоболѣ и на рѣкѣ, впадающей въ Тоболь, городки, населять пустоши и заниматься своими промыслами. Черезъ пять лѣтъ послѣ полученія такой грамоты одинъ изъ братьевъ Строгоновыхъ воспользовался ею и обратился къ казакамъ, которые своевольничали на Волгѣ и возбудили уже противъ себя гнѣвъ царя.

Во главѣ 540 пришедшихъ казаковъ находился Ермакъ Тимоѳѣевичъ. Строгоновы отправили казаковъ въ Сибирь, причемъ увеличили ихъ число своими ратными людьми, въ числѣ которыхъ были плѣнные корельцы и литовцы, всего до 840 человѣкъ. Воевода города Чердыни, на который напали инородцы подъ начальствомъ Пелымскаго князя, поссорился изъза чего-то со Строгоновыми и донесъ, что, они вмѣсто того, что-

бы оберегать свою землю, отправили казаковъ воевать Сибирь. Изъ Москвы послѣдовала грозная грамота, которою предписывалось немедленно вызвать казаковъ обратно и поручить имъ защиту своихъ владѣній. Ермака уже нельзя было догнать: отправляясь по Чусовой, онъ достигъ волока по р. Серебряной и затѣмъ плылъ по Жаравлѣ, Барлогѣ, Ташлу и Турѣ, гдѣ была граница Сибирскаго царства.

Нѣсколько разъ казаки, подъ предводительствомъ Ермака, поражали отряды сибирскихъ татаръ и напали, наконецъ, на самого сибирскаго царя Кучума, который засѣлъ около своего города. Страшно стало казакамъ, хотѣли было они вернуться назадъ, но Ермакъ уговорилъ итти впередъ: ободряя своихъ сподвижниковъ, онъ обѣщалъ имъ вѣчную славу. Войска Кучума были разбиты; покинутый жителями городъ Сибири былъ занятъ казаками. Вскорѣ послѣ того Ермакъ взялъ въ плѣнъ племянника татарскаго хана Маметкула.

Казацкій атаманъ Кольцо былъ отправленъ Ермакомъ въ Москву съ извѣстіемъ объ успѣшной борьбѣ съ сибирскими татарами. Государь пожаловалъ казаковъ великимъ своимъ жалованьемъ, деньгами и разными подарками. Въ Сибирь отправлены были московскіе воеводы. Они были приняты съ честію казаками.

Вскорѣ послѣ этого, Ермакъ, преслѣдуя однажды татаръ, остановился у рѣки Иртыша. Ночью напали на него татары, и Ермакъ былъ убитъ. Такъ погибъ первый завоеватель Сибирскаго царства. Въ одинъ годъ съ нимъ (1584), за триста слишкомъ лѣтъ до нашего времени, умеръ и первый русскій царь Иванъ Васильевичъ Грозный.

По словамъ народныхъ пѣсенъ завоеваніе Сибирскаго царства происходило слѣдующимъ образомъ:

Во славномъ понизовомъ городѣ Астрахани,
Противъ пристани матки Волги рѣки,
Сходилися тутъ удалы добры молодцы,
Донскіе славны атаманы казачіе:
Ермакъ Тимоѳеевичъ, Самбуръ Андреевичъ,
Самбуръ Андреевичъ и Анофрій Степановичъ.
И стали они во единой кругъ,
Какъ думати думушку за единое,
Со крѣпка ума, съ полна разума.
Атаманъ говорилъ Донскимъ казакамъ,
По имени Ермакъ Тимоѳеевичъ:
— А и вы, гой еси, братцы, атаманы казачіе!
Некорыстна у насъ шутка зашучена:
Гуляли мы по морю синему
И стояли на протокѣ на Ахтубѣ,
Убили мы посла персидскаго
Со всѣми его солдатами и матросами,
И всѣмъ животомъ его покорыстовались,
И какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать?
Въ Астрахани жить нельзя;
На Волгѣ жить—ворами слыть,
На Яикъ итти—переходъ великъ,
Въ Казань итти—Грозенъ царь стоитъ,
Грозенъ царь государь Иванъ Васильевичъ,
Въ Москву итти—перехватаннымъ быть,
По разнымъ городамъ разосланнымъ
И по темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ.
Пойдемте мы въ Усолья ко Строгоновымъ,
Ко тому Григорью Григорьевичу,
Къ тѣмъ господамъ къ Вороновымъ:
Возьмемъ мы много свинцу пороху и запасу хлѣбнаго.
И какъ были они въ Усольѣ у Строгонова,
Взяли запасы хлѣбные, много свинцу пороху,
И пошли вверхъ по Чусовой рѣкѣ,
Гдѣ бы Ермаку зима зимовать.
И нашли они пещеру каменну,
На той Чусовой рѣкѣ, на висячемъ большомъ каменю;
И зашли они сверхъ того каменю,
Опущалися въ ту пещеру казаки,
Много не мало—двѣсти человѣкъ;
А которые остались люди похужѣе, на другой сторонѣ,
Въ такую жъ они пещеру убиралися,

И тутъ имъ было хорошо зима зимовать.
Та зима проходитъ, весна настаетъ:
Гдѣ Ермаку путя искать?
Путя ему искать по Серебреной рѣкѣ.
Сталъ Ермакъ убиратися со своими товарищами.
По Серебреной пошли, до Жаровля дошли,
Оставили они тутъ лодки коломенки:
На той Баранченской переволокѣ
Одну тащили, да надсѣлися, тамъ ее и покинули.
И въ то время увидѣли Баранчу рѣку, обрадовались,
Подѣлали боты сосновые и лодки набойницы,
Поплыли по той Баранчѣ рѣкѣ,
И скоро они выплыли на Тагиль рѣку;
У того Медвѣдя камня, у Магницкаго горы, становилися;
А на другой сторонѣ было у нихъ плотбище:
Дѣлали большія коломенки,
Чтобъ можно имъ совсѣмъ убратися.
Жили они тутъ, казаки, съ весны до Троицева дня,
И были у нихъ промыслы рыбные,
Тѣмъ они и кормилися.
И какъ имъ путь надлежалъ,
Совсѣмъ въ коломенки убиралися
И поплыли по Тагиль рѣкѣ;
А и выплыли на Туру рѣку
И поплыли по той Турѣ рѣкѣ въ Епанчу рѣку:
И тутъ они жили до Петрова дня
Еще они тутъ управлялися,
Подѣлали людей соломенныхъ,
И нашили на нихъ платье цвѣтное:
Было у Ермака дружины триста человѣкъ,
А стало уже со тѣми больше тысячи.
Поплыли по Тоболь-рѣкѣ,
Въ Мядешки юрты приплыли.
Тутъ они князька положили небольшого,
Дабы показалъ имъ путь по Тоболь рѣкѣ.
Во тѣхъ устьяхъ Тобольскіихъ,
На изголовѣ становилися,
И собиралися во единой кругъ,
И думали думушку за едино:
Какъ бы имъ приплыть къ горѣ Тобольской той?
Самъ онъ, Ермакъ, пошелъ устьемъ верхніимъ,
Самбуръ Андреевичъ устьемъ средніимъ,

Анофрій Степановичъ устьемъ нижніимъ,
Которое устье впало противъ самой горы Тобольскія.
И выплыли два атамана казачіе,
Самбуръ Андреевичъ и Анофрій Степановичъ,
Со своими товарищами на Иртышъ рѣку,
Подъ саму высоку гору Тобольскую.
И тутъ у нихъ стала баталія великая
Со тѣми татары Котовскими:
Татары въ нихъ бьютъ со крутой горы,
Стрѣлы летятъ, какъ часты дожди,
А казакамъ взять не можно ихъ.
И была баталія цѣлой день,
Прибили казаки тѣхъ татаръ не мало число.
И тому татары дивовалися,
Каковы Руски люди крѣпкіе,
Что ни единаго убить не могутъ ихъ:
Каленыхъ стрѣлъ въ нихъ какъ въ снопики палѣплено,
Только казаки всѣ невредимы стоятъ;
И тому татары дивуются наипаче того.
Въ то-же время пришелъ атаманъ Тимоѳеевичъ,
Со своею дружиною, тою лукою Соуксанскою,
Дошелъ до устья Сибирки рѣки,
И въ то время полонилъ Кучума царя татарскаго;
А перваго князька, поиманнаго,
Отпустилъ со извѣстіемъ
Ко тѣмъ татарамъ Котовскіимъ,
Чтобъ они во дракѣ съ казаками помирилися:
— Ужъ, де, царя вашего во полонъ взяли
Тѣмъ атаманомъ Ермакомъ Тимоѳеевымъ.
И таковы слова услыша, татары сократилися,
И пошли къ нему, Ермаку, съ подарочками:
Понесли казну соболиную и бурыхъ лисицъ Сибирскіихъ,
И принималъ Ермакъ у нихъ не отсылаючи;
А на мѣсто Кучума царя утвердилъ Собанака Татарина,
И далъ ему полномочіе владѣть ими.
И жилъ тамъ Ермакъ съ Покрова
До зимняго Николина дня:
Втапоры Ермакъ шилъ шубы соболиныя,
Нахтармами вмѣстѣ сшивалъ,
А теплые мѣхи наверхъ обѣихъ сторонъ;
Таковымъ манеромъ и шапки шилъ.
И убравши (нарядивши) Ермакъ всѣхъ казаковъ,

Отъѣзжалъ въ каменну Москву,
Ко Грозному царю Ивану Васильевичу.
И какъ былъ Ермакъ въ каменной Москвѣ,
Наканунѣ праздника Христова дня,
Втапоры подкупилъ въ Москвѣ
Большого боярина Никиту Романовича,
Чтобы доложить объ немъ царю Грозному.
На самый праздникъ Христовъ день,
Какъ изволилъ царь государь итти отъ заутрени,
Втапоры доложилъ объ нихъ Никита Романовичъ:
Что, де, атаманы казачіе,
Ермакъ Тимоѳеевъ съ товарищи,
Къ твоему Царскому Величеству съ повинностью пришли,
И стоятъ на Красной площади.
Тотчасъ велѣлъ предъ себя привести
Того атамана Ермака Тимооеева,
Со тѣми его со товарищи.
Тотчасъ же ихъ ко царю привели
Въ тѣхъ шубахъ ихъ соболиныихъ;
И тому царь удивляется,
И не сталъ больше испрашивати,
А велѣлъ ихъ разослать по домамъ
До того часу, когда спросятся.
Втапоры царю праздникъ радошенъ былъ,
И было пированіе почестное,
На великихъ на радостяхъ,
Что полонилъ Ермакъ Кучума царя Татарскаго,
И вся сила покорилася тому царю Грозному,
Ивану царю Васильевичу.
И по прошествіи того праздника,
Приказалъ царь государь
Того Ермака предъ себя привести.
И тотчасъ же ихъ пособрали всѣхъ
И къ царю всѣхъ представили.
Вопрошаетъ тутъ ихъ царь государь:
—Гой ты еси, Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ!
Гдѣ бы былъ поживалъ и по волѣ гулялъ
И напрасныхъ душъ сколько ты загубилъ,
И какимъ случаемъ татарскаго
Кучума царя полонилъ
И всю его татарскую силу
Подъ мою власть покорилъ?

Втапоры Ермакъ предъ Грознымъ царемъ на колѣни палъ,
И при томъ говорилъ таковы слова:
— Ой ты, гой еси, надежа, православный царь!
Не вели меня казнить, вели рѣчь говорить:
Приношу тебѣ, государь, я повинность свою:
Гуляли мы, казаки, по морю синему,
И стояли мы на протокѣ на Ахтубѣ;
И въ то время годилося (т. е. случилося) мимо итти послу персидскому,
Коромышеву Семену Константиновичу,
Со всѣми солдаты и матросами;
И они напали на насъ своею волею
И хотѣли отъ насъ поживитися;
Казаки наши были пьяные, а солдаты упрямые,
И Персидска посла тутъ устукали
Со тѣми его со солдатами и матросами.
А теперя, надежа, православный царь,
Приношу тебѣ буйну я головушку
И съ буйной головой царство Сибирское!
И на то царь государь не прогнѣвался,
Но и паче смилосердился:
Приказалъ Ермака онъ пожаловати.
Рѣчь возговоритъ надежа православный царь,
Какъ и Грозной то Иванъ царь Васильевичъ:
Ой ты, гой еси, Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
Ой ты, гой еси, войской Донской атаманушка!
Я прощаю тебя да и съ войскомъ твоимъ,
Я прощаю тебя за твою да за службу,
За твою то ли службу мнѣ за вѣрную,
И я жалую тебѣ, Ермакъ, тихой славный Донъ!
Царь послалъ Ермака въ ту сторонушку Сибирскую.
Ко тѣмъ татарамъ Котовскіимъ,
Брать съ нихъ дани въ казну царскую.
И по тому приказу государеву
Поѣхалъ Ермакъ Тимоѳеевичъ
Со своими казаками въ ту сторону Сибирскую.
И какъ былъ онъ у тѣхъ татаръ Котовскіихъ,
Сталъ онъ набольшихъ
Подъ власть государеву покоряти,
Дани выходы безъ запущенія выбирати.
И годъ-другой тому времени поизойдучи,
Тѣ татары взбунтовалися,

*

На Ермака Тимоѳеева напущалися
На той большой Енисеѣ рѣкѣ.
Втапоры у Ермака были казаки разосланы
По разнымъ дальнымъ сторонушкамъ,
А при немъ только было казаковъ
На дву коломенкахъ.
И билися дралися съ татарами время не малое.
И для помощи своихъ товарищей,
Онъ, Ермакъ, похотѣлъ перескочити
На другую свою коломенку,
И ступилъ на переходню на обманчивую,
Правою ногой поскользнулся онъ,
И та переходня съ конца верхняго
Подымалася и на его опущалася,
Разшибила ему буйну голову
И спустила его въ тое Енисей рѣку быструю:
И тутъ Ермаку такова смерть случилась.

По словамъ другой народной пѣсни, которая описываетъ завоеваніе Сибирскаго царства значительно кратче, но болѣе согласно съ разсказомъ исторіи, это завоеваніе происходило слѣдующимъ образомъ:

Проявился въ Сибири славный крѣпкій казакъ,
Славный крѣпкій казакъ, по прозванью Ермакъ.
Ужъ какъ этотъ Ермакъ, онъ сражался—не робѣлъ,
Онъ сражался—не робѣлъ, всей Сибирью завладѣлъ.
Завладѣвши всей Сибирью, онъ царю поклонъ послалъ:
— Ты прими, де, Грозный царь, ты поклонъ Ермака,
Посылаю тѣ я въ гостинецъ всю Сибирску страну,
Всю Сибирску страну: дай прощенье Ермаку!

Кромѣ взятія Казани и завоеванія Сибирскаго царства, въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ имѣются краткія упоминанія и о взятіи Астрахани. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ событій царствованія Іоанна Грознаго особенно сильное впечатлѣніе на его современниковъ, на весь русскій народъ, произвели взятіе Ка-

зани, Астрахани и Сибирскаго царства. Но въ царствованіе этого государя происходила также борьба съ крымцами (т. е. съ татарами, жившими въ Крыму), которые своими нападеніями постоянно безпокоили южныя границы русскаго государства; затѣмъ были войны съ Литвою, Польшею и Швеціею. Съ этими государствами Иванъ Грозный воевалъ главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы пріобрѣсти хотя бы часть береговъ Балтійскаго моря, которые были необходимы русскому народу для развитія торговли. Но эти войны не велись съ такимъ успѣхомъ, какъ борьба съ казанскими и сибирскими татарами, а именно, ни Крымскаго, такъ называемаго Таврическаго полуострова, ни береговъ Балтійскаго моря не удалось завоевать первому русскому царю. Поэтому то и народъ русскій не помнитъ объ этихъ событіяхъ такъ хорошо, какъ о взятіи Казани и о завоеваніи Сибирскаго царства. О борьбѣ съ южными и западными врагами русской земли въ народной памяти сохранилось лишь смутное воспоминаніе. Всѣ эти войны съ крымцами, литовцами, поляками и нѣмцами изображены въ историческихъ народныхъ пѣсняхъ подъ видомъ единоборства иноземнаго богатыря съ русскимъ крестьяниномъ, какъ это видно изъ пѣсенъ „Единоборство Кастрюка“. Вотъ одна изъ нихъ.

Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
Содержатель онъ всей Руси,
Сберегатель каменной Москвы,
При блаженной его памяти,
Поизволилъ царь женитися:
Онъ беретъ не у насъ въ Москвѣ
Онъ беретъ во иной землѣ,
У тово ли Темрюка-Кастрюка,
Молодого Черкешенина,
Тое малую сестру,

Да свѣтъ Марью Темрюковну.
Онъ и много приданова беретъ:
Двѣсти татариновъ,
Полтораста бояриновъ
И семьсотъ Донскихъ казаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ.
Собирался почестной пиръ,
И всѣ гости съѣхалися, и всѣ сходилися,
Всѣ гости пьютъ и ѣдятъ,
И всѣ гости кушаютъ,
Бѣлаго лебедя рушаютъ.
Одинъ гость хлѣба-соли не ѣстъ,
Хлѣба-соли не кушаетъ,
Бѣлаго лебедя не рушаетъ,
Зеленаго вина въ ротъ не беретъ,—
Кастрюкъ-Мастрюкъ Темрюковичъ,
Любимый царскій шуринушка.
Онъ думаетъ думушку, съ кѣмъ поборотися,
За прокладъ поводитися:
Онъ хочетъ каменну Москву въ полонъ себѣ взять,
Онъ хочетъ взойти во Кремль городокъ,
Онъ и хочетъ съ насъ пошлины брать,
Съ воротъ поворотныя,
А съ дымовъ (т. е. съ дворовъ) подымовныя.
Пошелъ пиръ на веселѣ,
А смиренные на радостяхъ
Шили ѣли, проклажалися
Между собой похвалялися:
Сильной своею силою,
А богатой богатствомъ своимъ,
Убогой Божьей милостію,
Какъ Богъ то насъ милуетъ,
Государь царь пожалуетъ
И будемъ мы всѣ ровны.
Похваляется Темрюкъ-Мастрюкъ,
Онъ хвалится своей силою:
Я Москву вашу насквозь пройду,
Не найду я себѣ спорщика,
Съ кѣмъ бы могъ я поборотися!
Услыхалъ же про то царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
Содержатель онъ всей Руси,

Сберегатель каменной Москвы;
Выходилъ онъ на Красно крыльцо,
Говорилъ онъ громкимъ голосомъ:
— Эй вы, гой еси, мои слуги вѣрные!
Вы подите въ каменну Москву,
Прокличьте кличь скорую,
Есть ли у насъ, у нашего царя,
Бойцы—борцы, молодые охотнички?
Шли бы на царской дворъ,
Безъ докладу государева,
Безъ допроса безо всякаго!
За Москвой стоитъ деревнишка,
Что деревнишка Онихина.
Въ той ли во деревнишкѣ
Жили два брата родныхъ,
Два брата родныхъ, два калашничка,
Два Андрея Андреича.
Встаютъ они ранехонько,
Умываются бѣлехонько,
Обуваются гладехонько,
Чулочки подвязывали,
Башмачки на ноги надѣвывали,
Свои усы они завили,
За уши усы закладывали,
Приходили на государевъ дворъ.
Безъ докладу государева,
Безъ докладу безо всякаго,
Безо всякаго вѣдѣмья,
Становились у Красна крыльца.
Услыхалъ про то Темрюкъ-Кастрюкъ,
Молодой черкешенинъ;
Зашипѣлъ онъ по змѣиному,
Заревѣлъ онъ по звѣриному,
Переломалъ пятьдесятъ скамей,
Передавилъ онъ приданство все,
Двѣсти татариновъ,
Полтораста бояриновъ
И семьсотъ донскихъ казаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ.
Выходилъ онъ на Красно крыльцо,
Сохватился съ большимъ братомъ,
Со Андреемъ Андреевичемъ

Они водиться поводилися,
Цѣлый день до вечера
И всю почь до бѣлой зари:
Никто у (изъ) нихъ не поборолъ;
Расходиться расходилися,
Между собой поклонилися.
Схватился со меньшимъ братомъ:
Тотъ его беретъ за лѣвый воротокъ,
Поднимаетъ на правый на носокъ,
Онъ приподнялъ повыше себя,
Ударилъ о сыру землю,
По колѣни его въ землю вшибъ,
По колѣни, чуть не по поясъ;
Онъ и цвѣтное платье съ него сшибь
Пустилъ его косо на босо,
Пустилъ его, въ чемъ мать родила.
Услыхала про то милая сестра,
Свѣтъ Марья Темрюковна,
Выходила на Красное крыльцо,
Говорила громкимъ голосомъ:
— Ты, крапива, крапивной сынъ!
Немного васъ посѣяно,
Да много уродилося!
Хотя бы ты и силенъ,
И хотя бы тебѣ Богъ пособилъ,
На что ты такъ наругаешься
И на что насмѣхаешься?
Пустилъ ты его, въ чемъ мать родила?
Сказалъ тутъ царь-государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь:
— Ты баба, ты бабье знай!
Не то-то намъ дорого,
Что татаринъ похваляется,
А то-то намъ дорого,
Что русакъ насмѣхается!

Кромѣ войнъ съ внѣшними врагами русской земли, съ татарами, литовцами, поляками и нѣмцами, могла произвести сильное впечатлѣніе на нашихъ предковъ борьба московскаго государя съ боярами.

Многими московскими боярами Иванъ Васильевичъ Грозный былъ недоволенъ, главнымъ образомъ, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, эти бояре угнетали и притѣсняли народъ различными поборами и неправеднымъ судомъ, во вторыхъ, нѣкоторые изъ этихъ бояръ измѣняли православной вѣрѣ, русскому царю и народу и отъѣзжали къ католической Литвѣ и Польшѣ. Такъ отъѣхалъ въ Литву одинъ изъ самыхъ образованныхъ и умныхъ московскихъ бояръ Андрей Михайловичъ Курбскій. Пожалованный польскимъ королемъ богатыми помѣстьями, Курбскій не отказывался отъ походовъ на своихъ соотечественниковъ. Въ народныхъ пѣсняхъ не имѣется подробнаго описанія борьбы Ивана Грознаго съ боярами; въ этихъ пѣсняхъ мы находимъ лишь намекъ на нее, въ видѣ краткаго упоминанія о казняхъ бояръ, а также въ рѣчахъ самаго государя московскаго, въ которыхъ онъ хвалится тѣмъ, что вывелъ измѣну изъ нѣкоторыхъ значительныхъ городовъ Московскаго государства: изъ Москвы, Новгорода, Пскова, Кіева и Чернигова.

Итакъ, на вопросъ: за что русскій народъ такъ почиталъ и уважалъ перваго русскаго царя?—мы можемъ отвѣтить слѣдующимъ образомъ: Московскій государь Иванъ Васильевичъ Грозный пользовался народнымъ расположеніемъ, во первыхъ, потому, что онъ былъ правосуденъ и одинаково справедливъ какъ къ богатымъ, такъ и къ бѣднымъ; во вторыхъ, его царствованіе ознаменовалось завоеваніемъ двухъ татарскихъ государствъ, Казанскаго и Сибирскаго; затѣмъ, народъ любилъ своего грознаго царя за то, что онъ строго наказывалъ своихъ бояръ, которые притѣсняли народъ и изъ-за выгодъ измѣняли своей вѣрѣ, государю и народу, и потому были врагами русскаго народа. Кромѣ того, возможно полагать, что Иванъ Ва-

сильевичъ Грозный пріобрѣлъ извѣстность среди русскаго народа, отчасти, благодаря возобновленію древняго права крестьянскаго сословія управляться своими выборными старостами, сотскими, а также—благодаря заботамъ этого государя о распространеніи образованности среди русскаго народа.

І. Сениговъ.

XXV г. изд. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** XXV г. изд.

на 1893 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

съ приложеніемъ „Педагогическаго Листка“

ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ.

Въ 1893 году «**ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ**» вступаетъ въ 25-й годъ своего существованія.

«**ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ**» **одобрено** Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній **включено** въ каталогъ книгъ для чтенія воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ: 1891 г. **допущено** Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ журналѣ «**ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ**» помѣщаются: а) повѣсти, разсказы и сказки (оригинальныя и переводныя); б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи замѣчательныхъ людей; г) популярно-научныя статьи, знакомящія съ природою и человѣкомъ; д) путешествія; е) мелкія статьи (по бѣлу свѣту); ж) игры и занятія; з) задачи, ребусы, шарады и проч.

Въ совѣщаніяхъ редакціи принимаютъ близкое участіе *А. Н. Острогорскій* и *В. П. Острогорскій*.

При журналѣ «**ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ**» издается «ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ», выходящій четыре раза въ годъ отдѣльными книжками отъ 3 до 5 листовъ. Большая часть статей «ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЛИСТКА» посвящается домашнему воспитанію, элементарному обученію и разработкѣ вопросовъ о чтеніи дѣтей. Въ «ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ЛИСТКѢ» помѣщается **періодическій указатель** дѣтской и учебной литературы, содержащій въ себѣ краткое описаніе и разборъ по возможности **всѣхъ вновь выходящихъ книгъ** для дѣтей и юношества, учебниковъ, руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей. Въ концѣ года будетъ напечатанъ **рекомендательный каталогъ** книгъ для дѣтей, какъ вышедшихъ въ теченіе года, такъ и ранѣе изданныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ **5** Р. | Съ доставкою въ СПБ. и пересылкою во всѣ гг. Россіи **6** Р. | За границу **8** Р.

На полгода—3 руб., на четверть года—1 руб. 50 коп. Допускается разсрочка по третямъ и полугодіямъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи: **СПБургъ, Разъѣзжая ул., д. № 3, кв. 12**, въ отдѣленіяхъ конторы: книжныхъ магазинахъ Карбасникова, Фену и К°, а также и въ другихъ столичныхъ книжныхъ магаз., а въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Н. Печковской.

Издатель *Я. В. Борисовъ*. Редакторъ *П. В. Голяховскій*.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 5 Января 1893 г.

LIBRARY OF CONGRESS
0 012 372 823 3